

Игорь Куберский

Деревянные тротуары

Игорь Куберский
Деревянные тротуары

«Институт соитологии (ИС)»

1978

Куберский И. Ю.

Деревянные тротуары / И. Ю. Куберский — «Институт соитологии (ИС)», 1978

ISBN 978-5-457-21758-4

ISBN 978-5-457-21758-4

© Куберский И. Ю., 1978
© Институт соитологии (ИС), 1978

Содержание

Игорь Куберский	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Игорь Куберский

ДЕРЕВЯННЫЕ ТРОТУАРЫ

Повесть

Пришли двое. В первый момент это отозвалось в нем недовольством, вызвавшим суетную мысль: «Придется больше заплатить». Но он тут же справился, заулыбался:

– Проходите, проходите. – Жест широкий, демократичный, чуть заискивающий перед их молодостью.

Та, кого привел парень, бросила машинальное «здрасьте» и, шлепнув в угол тяжелый ком полиэтиленовой сумки, критически окинула взглядом несвежий потолок и потертые обои прихожей. Ему показалось, что и он сам, видно, нуждается в небольшом ремонте. Продолжая улыбаться, он поскреб затылок и чуть свысока, назидательно – не смог-таки удержаться – сказал:

– Ну, что ж. Может, познакомимся для начала? Меня зовут Юрий Павлович. В обиходе – Юра.

– Катя, – последовал ответ, и Топилин с неловкостью пожал неожиданно протянутую ему плотную теплую ладонь. Парень – кажется, Володя – добродушно оскалил мелкие прокуренные зубы.

«Кто она ему? Жена? Подружка?» – подумал Топилин. Парня он перехватил вчера, внизу, на лестничной площадке – летом по всему дому делали ремонт.

Пока Катя передевалась в ванной, они быстренько перетаскали в коридор и на кухню лишнюю мебель, причем Топилин, не желая ни в чем уступать, старался брать на себя большую тяжесть. Пол застилали уже втроем – его любимой «Литературкой».

– Ой, сколько здесь интересного! – наклонялась Катя над распахнутыми страницами – с сожалением, что все это скоро будет заляпано и растоптано. И, сидя на корточках, поднимала к нему свое милое круглое лицо,

Отпуск закончился, и Топилин один приехал из деревни, оставив там жену с сыном, чтобы до их возвращения «прокрутить ремонт». Жене он говорил об этом со вздохом и сожалением, но когда она простодушно предложила вернуться вместе, чтобы вместе и «прокрутить», он спохватился:

– Петьку жалко, тут ему и речка, и лес!

– Ладно уж, поезжай! – усмехнулась жена, поняв, что он ловчит. – Отдохни от нас. Ведь этого ты хочешь?

– Да что ты?! – возразил он, оскорбленный ее прозорливостью. – Если хочешь – поедем!

Но она уже не хотела.

Вместе они прожили десять лет, шесть воспитывали Петьку. Не то чтоб очень дружно, но и не ссорно, однако совсем не так, как он себе когда-то представлял. Вдвоем было тесно. Хотя с годами он притерпелся к этой тесноте, и неудобства ее привык относить на свой счет. Да и жена поддерживала в нем эту мысль: «Ты у меня бирюк какой-то. Нелюдь». Он пожимал плечами.

Да, самим собой Топилин чувствовал себя лишь в одиночестве. С Петькой тоже было сложно – он брал, только брал, и Топилин, погружаясь в отцовское бескорыстное служение сыну, так и ходил со склоненной к нему головой, не поднимая ее, не умея поднять.

От давно затихших споров с женой осталось только изредка всплывающее желание какого-то окончательного объяснения, после которого, казалось, наступит покой и понимание. А пока так и было, что жажда одиночества приходила вместе с виной. Но и один, он привычно нежно думал о жене и сыне, ждал их, и даже в вечерней, взбудораженной, устремленной к чему-то неизвестному толпе, чувствуя такое же неясное устремление, он оставался верен ожиданию и ни на ком не задерживал глаз дольше, чем это позволяло простое любопытство. Так и выработалась в его лице поджатость черт, с которой никак не вязался его короткий, но вопрошающий взгляд.

Разостлали газеты. И в самом деле было жалко их: как всегда, отложенное на потом так и осталось непрочитанным – газета живет один день, ну, три. А там столько всего – и за неделю не переваришь.

Потребовалась посуда для шпаклевки, и Топилин отправился на кухню. Катя в ожидании остановилась в дверях и смотрела, как он роется в высоком, узком шкафу-пенале. Чувствуя этот взгляд, Топилин становился намеренно неловок, морщил лоб, как бы с усилием вспоминая, куда могла подеваться та банка, руки его неузнающе перебирали кастрюльки, крышки – словно в том, что он здесь знал все наизусть, вдруг обнаружилось что-то уничтожительное.

– Вот! – не сдержав-таки довольного восклицания, выдрал он из загремевшей груды то, что искал.

Катя молча взяла.

Стремянки не было – пришлось снова перетащить в комнату тяжелый полированный письменный стол от гарнитура. Топилин накрыл его двойным слоем газет. Катя взобралась, и ее мастерок живо заскреб по выбоинам худо заделанных швов на потолке. Посыпалась штукатурка. Несколько тяжелых кусков упали прямо на стол, и Топилин внутренне вздрогнул.

«Одеялом надо было проложить» – подумал он, глядя, как сноровисто ходит безжалостный мастерок в Катиной руке.

Комната наполнилась меловой пылью, и ему пришлось надеть на голову носовой платок с четырьмя рогульками. Он знал, что смешон в таком виде.

– Ребята, помощь моя не требуется? – спросил он, стараясь не выдать голосом недовольства и огорчения.

– Если можете, – на секунду оторвалась Катя, – воды немного.

– В чем? – спросил Топилин, вопреки желанию представляя, как падает у нее из рук и разбивается фаянсовая чашка.

– В чем хотите. Мне для алебаstra.

Топилин принес в металлической кружке.

– Ой, много! – заглянула она сверху.

Топилин покорно склонил голову – дескать, «понято» – и принес меньше. Этот жест веселой покорности, оцененный Катей, вернул ему, как ни странно, доброе расположение духа.

Работа подвигалась, и Топилину с Катей приходилось часто переставлять стол. Володя – она звала его пренебрежительно «Лодь», «Лодька» – доставал до потолка и со стула. В контраст с ней – небольшой, светлой и ладной – он был широк, костист, коричневат от загара, с крепкими, туго гнущимися пальцами и почему-то без бровей.

Вели они себя странно. Стоило Топилину выйти в прихожую или на кухню, как в пустой комнате раздавался ее недовольный голос. Она поминутно делала Володе замечания, а тот сносил их молча, с вялой послушной угрюмостью.

– Ну куда ты лезешь? Видишь, я тут! – доносилось до Топилина, и ему начинало казаться, что часть этого недовольства падает и на его голову.

Возвращался он в комнату с виноватым лицом.

«Как же вы, ребята, живете вместе?» – думал он, глядя на них.

Катя стояла на столе и, чуть скосив глаза, вела по шву мягкой, смоченной в растворе кистью. Клетчатая рубашка, завязанная впереди нижними концами на узел, тянулась вверх за ее руками, обнажая нежный девичий живот с затененной ямкой пупка. Топилину вдруг стало трудно смотреть, и он отвел глаза.

«Зачем она с ним?» – подумал он.

Ушли они в одиннадцатом часу, когда за открытым окном уже стояла густая августовская темень, пахнувшая пришепетывающей листвой и нагретым асфальтом. Топилин вышел на балкон и смотрел вниз, в неосвещенный двор, пока из дверей парадной не возникли две фигуры, его – темная и ее – светлая, в летнем платье. Они о чем-то говорили, но как Топилин ни прислушивался, до него не долетали даже обрывки слов. Ему почему-то казалось, что должны говорить о нем.

Он долго смотрел на квадратики окон, которые отсюда, с высоты седьмого этажа, разбегались во все стороны бурно разросшегося за последние годы микрорайона. Еще дальше, за ними, было непонятно темно, глухо, и небо не отражало свет уличных фонарей. Там начинался залив. Ему почудилось: прыгни вниз – и спланируешь как раз у кромки воды, на грани света и тьмы.

На следующий день он вернулся с работы пораньше и, делая какие-то лихорадочные приготовления, поймал себя на том, что волнуется.

«Однако...» – усмехнулся он. И еще проблема возникла: поесть или подождать их, чтобы вместе? Да, непременно надо их накормить, небось, не успеют после работы, а ехать издалека, с другого конца города. Он так и думал: «их», «они»... То, что вчера тревожило его, обернулось заботой и добротой, потребностью непременно сделать для них что-нибудь хорошее.

Эта потребность была определяющей во всей его нынешней жизни. Она пришла вместе с сознанием того непреложного, но в общем-то не такого уж обескураживающего факта, что ему не повезло. В самом деле, счастливых билетов не так уж много, и нечего ударяться в панику, если ты не вытянул ни одного. Рано или поздно каждый задает себе вопрос: кто он и для чего живет? Это не страшно, – убеждал он себя, – если ты, в общем, никто и особой какой-нибудь цели нет. Только единицы рождаются для деяний, остальные – просто подмастерья. А то, что ты жив, и у тебя есть завтра, послезавтра и еще много дней, – это и есть движение к цели. Целью может быть просто решение не отравлять другим жизнь, улыбаться по утрам и первому говорить «здравствуйте!»

Втайне Топилин чуть гордился своей философией, в которой, считал он, было что-то от стоицизма. Притом вовсе не требовалось, чтобы другие читали в твоём лице: смотрите, я не очень счастлив, но не делаю из этого события, молчу и стараюсь помочь ближнему. Топилин оскорбился бы, если б кто-нибудь отметил его добродетели.

Был он вроде неплохим проектировщиком. В студенчестве, вообще, блистал, но в лидеры так и не вышел. Работа – это, может быть, обратная сторона той же «личной жизни».

Ребята оказались пунктуальными – пришли минута в минуту. Володя от приглашения «перекусить» не отказался, воспринял как должное, тут же сел за стол с довольным видом, а Катя почему-то покраснела, стала отнекиваться и в результате – так Топилин это понял – оскорбилась за Володю, и потому сам он вдруг засуетился, стал что-то предлагать, совать – получилось неловко. Получилось, что он – хороший и добрый – тратит на них непозволительно много времени и внимания, и они, вместо того чтобы дело делать, чай тут гоняют, – и все из-за того, что этот дурак Лодька не понимает, что такое интеллигентное обращение. Катя его ни в грош не ставила перед Топилиным, и от этого было вдвойне неловко, будто на Топилина тому и следовало равняться. В какой-то момент Топилин даже рассердился на

нее, подумав, что таким образом ремонт не сдвинется ни на йоту, а то, чего доброго, Володя плюнет на все, бросит «пошли!» – и они исчезнут навсегда. И будет прав. Но Володя покорно – эта ожесточенная покорность удивляла Топилина, что-то ему напоминая, – Володя сносил все, только кривя в усмешке край рта.

– Вы, Катя, – невпопад пошутил Топилин, – как маленькая хозяйка большого дома. Она восприняла это всерьез.

В довершение всего обнаружилось, что Володя забыл наконечник от малярного агрегата, распылитель то бишь. Не веря случившемуся, он еще с досадой шуровал в дерматиновом мешке, а Катя уже выпрямилась, бессильно уронив руки и гневно глядя на него.

– Ну вот, – в нос, как перед слезами, сказала она, – вот и побелили! Спасибо, Лоденька.

– Да я что! – огрызнулся Володя, яростно выворачивая дерматин.

Это уже было слишком.

– Что, нет? – сказал Топилин натянуто.

Володя сделал шутовское лицо и нагло посмотрел на него. Топилин почувствовал – еще мгновение, и контроль над ситуацией будет потерян.

– Вот что... – сказал он, притворно оживляясь. – Привезти можешь? На такси.

– Могу... – посоображал Володя. – Только...

– Деньги вот, – сказал Топилин, вынимая из кармана пятерку. – Хватит?

Володя с симпатией взглянул на купюру, взял и стал натягивать куртку:

– Я скоро обернусь.

И они остались одни.

Потом Топилин часто размышлял, что было бы, если б Володя не забыл этот самый распылитель. И отвечал по-разному: иногда в том смысле, что ничего не было бы, а иногда наоборот, – что все равно суть проявила бы себя любым иным путем.

В тот же миг, когда дверь за Володей захлопнулась, он испытал задержку дыхания и так, с чуть сдавленным горлом, и двинулся теперь, что-то делал неслушающимися руками. Удивительно, но и Кате, похоже, стало не по себе. Дверь хлопнула – и пространство замкнулось, объединяя их, обволакивая единым предчувствием. Никогда еще (или разве что давно и забылось), никогда еще Топилин не испытывал такого многозначительного соучастия обступивших стен. Ему казалось, что Катя – его пленница. В каком-то романе он читал, что подобное испытывает владелец автомашины, когда к нему садится женщина, – будто само сиденье, все эти мягкие обводы обнимают ее его руками. Будто само присутствие двоих в этом замкнутом пространстве предполагало дальнейший путь друг к другу – через оболочку правил, условностей, запретов и страха. Он тут же стал судорожно выплывать, как из глубины водной толщи, из этой сдавливающей невесомости – ходил, брал что-то, переносил с места на место, не поднимая глаз, – да, они ни разу не посмотрели друг на друга, и наконец – боже мой, – что за чепуха, бред какой-то! – наконец выплыл, ему так показалось, что выплыл, и перевел дыхание. Только какое-то дрожание осталось, трепещущий под ветром огонек.

Топилин был так занят своим спасением, что в эти минуты почти не видел Кати. Много ли человек живет в настоящем? Обычно его чувство рассредоточено в прошлое и будущее. Сейчас Топилин был целиком и полностью в настоящем. Оно было его действительностью – творимой и творящей на глазах.

О чем-то Катя его спросила. А он не понял. Теперь она спрашивала во второй раз, и голос ее звучал чуть растерянной.

– Ах, тазик. Ну, конечно, найдется. Вот. – И Топилин выволок из-под ванны пластмассовый тазик. – Подойдет?

Ему сделалось смешно. Чего он только не нагородил. А все просто. Нужен тазик для раствора. И еще что-то. Капроновый чулок? Ну, конечно, – уж что-что, а это найдется. Тут он

начал чуть ли не паясничать. Потому что ему не хотелось искать старый капроновый чулок жены, то бишь предъявлять улики другой своей жизни – как если бы они были его виной и обвинением одновременно.

– Вот и чулок, – кривлялся он, протягивал его с торжественным видом. И чувствовал себя отступником, предателем семейного очага.

А нужно было процедить раствор известки с мелом. Они сидели на корточках в крошечной прихожей, Катя держала чулок, натянув его между ладонями, а Топилину надлежало выливать из банки раствор. Катя была во вчерашних джинсах, только рубашка – та, верно, запылилась – была другой. Это была синяя трикотажная футболка, свободная ей, может, не ее, а Володи, – так что растянутая резинка выреза широким полукругом открывала полную шею, мягкие впадинки под ней и над ключицами. В этой футболке особенно ладными были Катины плечи – их покатошь выказывала доверие, послушание и доброту. Лицо Кати было бледноватым, сосредоточенным, а губы красными, как бы обветренными, припухлыми по внешней линии – и краснота их вместе с притемненным блеском глаз казалась нездоровой, как у человека с высокой температурой. Это потом Топилин узнал, что у нее слабые легкие, услышал столь характерное для нее покашливание, а тогда он понял это иначе.

Осадок на растянутом капроне, выростал похожим на женскую грудь холмиком сцепленных друг с другом нерастворившихся частиц красящего вещества, – выростал, оттягивая ткань посерединке. Топилин видел перед собой Катину нежную щеку, в которой стало проявляться розовое пятнышко, прямую светлую прядку ее челки. Опорожня до дна банку, он приподнимал плечо, так что каждый раз невольно склонялся к этой прядке, к Катиной щеке, и чувствовал кожей ее тепло. Он делал вид, что, занятый, не отмечает, как близко они друг от друга. Пятнышко на щеке жарко разрослось, а сама Катина щека словно онемела в скрытой борьбе с этим жаром, и в какой-то момент Топилин почувствовал, что если не произойдет еще чего-то, более сложного, почти непосильного, но требуемого от него, то эта щека снова побледнеет, только для него уже навсегда. И, медленно вылив содержимое банки, он не стал отклоняться, чтобы черпнуть снова, а потянулся вперед и прильнул к Катиным губам.

Она не уклонилась, не сделала попытки приподняться, высвободиться – ее губы ответили. Тогда его руки нашли ее, обняли, заскользили по плечам, талии, прижались к теплым холмикам ее груди... Затем включилось сознание, и, целуя Катю, он внутренне заулыбался тому, что ее руки по-прежнему заняты, – опираясь на колени, она продолжала держать капроновый чулок с горкой осадка. Потом он напомним ей об этом моменте, и Катя усмехнется: «Я боялась в таз уронить – пришлось бы заново процеживать...» Он же подумал, что без умысла тут не обошлось. Будто так небеса подстроили.

– Ну вот, – сказал он, смущенный, растерянный, готовый понести любое наказание, когда, наконец, они оторвались друг от друга. – Можешь вылить на меня весь этот таз. Я заслужил.

– Глупый, – сказала она. – Ты заслужил совсем другое.

И эти слова не девочки, а женщины засели в нем, как какой-то главный вопрос, который он давно перестал задавать себе: а знаю ли я, что такое жизнь и кто я есть на самом деле? Вернее, засели они потом, а сейчас они просто оправдали его, поощрив настолько, что вместо чувства вины возникло нечто противоположное – авантюрное, завоевательное, из области «Трех мушкетеров». Надо же – так сказать, будто она увидела в нем то самое, глубинное, раньше, чем он прикоснулся к ее губам. Да, наверное, потому и дано ему было прикоснуться, что она распознала в нем что-то.

И кроме этих слов остался еще вкус ее губ, даже не столько вкус, сколько все вместе – их тепло, влага, податливость. Вот главное – их какая-то почти чрезмерная, растворяющаяся податливость. В ощущении от ее губ сквозило нечто и вовсе странное – какое-то воспоминание, идущее из туманности полузабытых юношеских мечтаний, исполнившихся потом

далеко не вполне. Такие были губы. И потому жажда повторить испытанное нахлынула с еще большей силой, и второй их поцелуй длился гораздо дольше, почти в беспамятстве. Может, еще и потому, что теперь Катины руки были свободны и, задерживаясь где-то на его затылке, шее, плечах, словно в своем собственном забытии, бродили слепо и нежно. И все ее небольшое мягкое тело прильнуло к нему столь нежно и безраздельно, что рядом с обжигающей явью желания в Топилине возник очажок страха. Володя? Нет. Что-то другое, как предчувствие рока, крушения. Он оторвал ее от себя раньше, чем она к этому была готова, и, обхватив ее лицо ладонями, судорожно, вопрошающе заглянул в него. Она не сразу открыла глаза. А открыв, посмотрела на него издали, как зачарованная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.